А. РАВЕН

ВОЛШЕБНИКИ ЗАУРАЛЬЯ

ПЕСНЬ СЕДЬМОЙ РЕКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

А. Равен

Волшебники Зауралья : Песнь седьмой реки

«Автор»
2026

Равен А.

Волшебники Зауралья : Песнь седьмой реки / А. Равен — «Автор», 2026

Мир магии существует рядом с миром людей, скрывая древние тайны, могущественные силы и знания, которые человечество давно забыло.Когда Арден оказывается в Академии Семи Истоков, он даже не подозревает, что его ждёт. За стенами академии скрываются загадки древней цивилизации Забытых, опасные тайны и сила, способная изменить судьбу всего магического мира.Пока Арден и его союзники ищут ответы, пробуждается нечто, о чём даже могущественные волшебники предпочли бы молчать. Следы ведут к Седьмой реке — тайне, которую веками пытались стереть из истории.Что скрывает прошлое? Почему древняя магия возвращается именно сейчас? И какую цену придётся заплатить за правду?Первая книга цикла о магии, дружбе, древних тайнах и судьбе мира, который гораздо загадочнее, чем кажется.

© Равен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. ЗОВ ИСТОКА, Глава 1. Мелодия, которой не существует 5
Глава 2. Дорога в горы 8
Глава 3. Камень, который помнит 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

А. Равен
Волшебники Зауралья : Песнь седьмой реки

Часть I. ЗОВ ИСТОКА, Глава 1. Мелодия, которой не существует

В тот день Арден Вейр опоздал на автобус из-за человека, который никак не мог решить, покупать ему пирожок с капустой или с мясом.

Человек стоял перед витриной киоска, поочерёдно указывая на обе тарелки, будто от его выбора зависела судьба мира. Продавщица терпеливо ждала. За спиной у Ардена кто-то громко вздохнул, потом ещё кто-то. Арден тоже вздохнул, посмотрел на часы и всё-таки решил не вмешиваться.

Автобус ушёл, когда покупатель наконец выбрал мясной.

— Великолепно, — сказал Арден пустой остановке. — Исторический момент. Человечество сделало выбор.

Человек сзади, молодой мужчина в серой куртке, засмеялся. Арден улыбнулся ему в ответ, сунул руки в карманы и шагнул под навес. Утро было ясное, но холодное: осень уже добралась до города и по ночам стирала с асфальта остатки летнего тепла. Над крышами висел прозрачный свет. На дальнем горизонте темнели горы — не высокие, если сравнивать их с настоящими горными хребтами, о которых писали в учебниках, но достаточно близкие, чтобы в ясную погоду казалось, будто город стоит на краю огромной каменной чаши.

Арден любил смотреть туда, особенно когда торопиться было некуда. Сегодня торопиться было некуда лишь потому, что он уже опоздал.

Он достал телефон. Сообщение от однокурсника сообщало, что преподаватель задерживается и первая пара, вероятно, начнётся минут на десять позже. Арден набрал ответ: «Мой автобус задержался из-за судьбоносного пирожка. Если что, передайте ему мои соболезнования». Потом стёр. Потом отправил только: «Буду через двадцать минут».

На остановке пахло мокрой шерстью, бензином и кофе из стаканчика женщины, стоявшей чуть поодаль. За дорогой росли берёзы; жёлтые листья на них казались тонкими металлическими пластинками. Ветер тронул ветви, и они зашуршали.

И вместе с этим шорохом Арден услышал ноту.

Не звон, не свист, не шум тормозов, который можно принять за музыку, если слишком долго не спать. Это была чистая, тихая нота, словно кто-то коснулся края большого стеклянного бокала. За ней прозвучала вторая — ниже, мягче, с едва уловимым дрожанием. Третья не пришла. Две ноты остались висеть между деревьями, а потом исчезли, как будто звук не оборвался, а просто перестал существовать.

Арден замер.

Мимо прошла женщина с ребёнком. Ребёнок тянул её за рукав, требуя что-то показать на экране телефона. Машины двигались по дороге. Где-то за спиной громко закрыли дверь магазина. Никто не поднял головы.

Арден повернулся к берёзам.

— Это что ещё было? — пробормотал он.

— Что? — спросила женщина с кофе.

— Ничего. Показалось.

Она взглянула на него с тем особым выражением, с каким взрослые смотрят на подростков, разговаривающих сами с собой, и вернулась к своему телефону.

Автобус подошёл. Арден вошёл вместе с остальными, сел у окна и всю дорогу пытался восстановить звук. Первая нота была высокой, но не резкой. Вторая будто скользнула вниз на крошечную долю тона. Между ними оставался промежуток — не пауза даже, а место, где должна была появиться третья нота. Арден не знал, откуда взялась уверенность, что она должна быть. Просто знал.

Он давно научился не рассказывать об этом.

В детстве звуки приходили редко. Иногда — рядом со старым радиоприёмником деда, который давно перестал ловить станции и служил подставкой для ключей. Иногда — в подъезде, когда кто-нибудь поднимался по лестнице и касался рукой металлических перил. Однажды в школьном музее, возле витрины с каменными орудиями, Арден услышал короткую последовательность, похожую на удар по натянутой струне. Он тогда спросил экскурсовода, установлен ли в помещении звуковой сигнал. Экскурсовод ответил, что нет, и посмотрел на него так, что Ардену стало стыдно.

После этого он перестал спрашивать.

Ему хватало обычных объяснений. Усталость. Слишком много наушников. Слух, который цепляется за фоновые шумы и складывает из них несуществующие мелодии. Иногда мозг достраивает недостающее — об этом говорили на уроках биологии. Арден держался за эти объяснения не потому, что они были убедительны, а потому, что любая другая версия требовала слишком многого.

В учебном корпусе пахло пылью, мокрыми куртками и дешёвым мылом. Арден успел на последнюю половину занятия, получил от преподавателя выразительный взгляд, а от соседа по парте — записку с нарисованным мясным пирожком и подписью: «Твой настоящий враг». Он рассмеялся, и на несколько часов утренняя мелодия отступила.

К вечеру воздух стал прозрачнее. Облака разошлись, солнце опустилось за крыши, и дальние горы проступили чётче, чем обычно. Арден шёл домой пешком, с рюкзаком на одном плече. Он пересёк небольшую площадь, миновал аптеку, магазин инструментов и остановился у старого каменного здания, которое стояло между двумя современными домами. Здание ремонтировали уже несколько лет: леса снимали и ставили снова, фасад закрывали сеткой, а над дверью сохранялась выщербленная надпись на языке, которого Арден не знал.

Он проходил здесь почти каждый день.

Сегодня рядом с дверью звук возник снова.

На этот раз не две ноты. Сначала едва слышное гудение, затем несколько звуков, сплетённых друг с другом так тесно, что Арден не мог понять, где один заканчивался и начинался следующий. Мелодия текла, как тонкая струя воды в каменных щелях. Она не была весёлой и не была грустной. В ней чувствовалось расстояние — огромное, холодное, будто звук пришёл из места, где никто не бывал очень давно.

Арден шагнул ближе.

Мелодия оборвалась.

Он оглянулся. На тротуаре никого не было. Из открытого окна второго этажа доносился телевизор; на противоположной стороне улицы мужчина закрывал багажник автомобиля. Ни одного человека, который мог бы играть на флейте или свистеть.

Арден достал телефон, включил диктофон и подошёл к стене ещё раз.

Тишина.

Он постоял, прислушиваясь, пока не замёрзли пальцы. Потом записал в заметках: «Старое здание. Около 18:40. Три? Или четыре звука. Не похоже на музыку с улицы».

Палец завис над экраном. Он добавил: «Похоже на горы» — и тут же удалил эту фразу. Она выглядела глупо даже для него самого.

Дома его встретил запах гречки и жареного лука. В кухне работало радио. Мать спросила, как прошёл день, и Арден ответил, что обычно. Он хотел рассказать ей о мелодии, но уже видел, как разговор закончится: она спросит, выспался ли он, не болит ли голова, не слишком ли долго он смотрит в экран. Он не сердился бы на неё. Она бы просто попыталась помочь.

Поэтому он сел ужинать и говорил о занятиях.

Позже, когда квартира затихла, Арден открыл окно. Холодный воздух пах листвой и дальним дымом. За крышами, невидимые из его комнаты, поднимались горы. Ветер провёл по проводам длинный низкий звук — почти ноту, но не ту.

Арден закрыл глаза.

Он не мог вспомнить мелодию целиком. Только начало и пустое место после второй ноты. Но теперь он был уверен: звук не просто возникал рядом с определёнными вещами. Он словно указывал направление.

К горам.

Арден открыл заметки, нашёл строку про старое здание и впервые за вечер не стал ничего удалять.

Завтра он проверит, откуда могла прийти мелодия.

Он сказал это себе тихо, почти шёпотом, словно заключал договор, который не стоило слышать никому другому.

И в тот же миг — из глубины тишины, далеко за пределами комнаты, — донеслась одна-единственная нота.

Арден резко выпрямился.

На улице никто не остановился. Радио молчало. Ветер стих.

Звук исчез.

Но теперь Арден знал, что завтра не сможет остаться дома.

Глава 2. Дорога в горы

Утром он проснулся раньше будильника и сразу пожалел об этом.

За окном небо было серым, над крышами медленно ползли облака. Никаких загадочных нот. Никаких голосов из пустоты. Только сосед сверху уронил что-то тяжёлое, а потом долго ходил по комнате с такой энергией, словно собирался проломить потолок.

Арден лежал на спине и смотрел в потолок.

«Ты едешь в горы, потому что услышал две ноты», — сказал он себе.

Это звучало не как довод в пользу поездки, а как диагноз.

Он взял телефон и проверил погоду. Днём обещали переменную облачность, к вечеру — дождь. До гор можно было добраться автобусом, а дальше пройти пешком по старой туристической тропе. Он бывал в этой местности с семьёй несколько лет назад; помнил деревянные указатели, каменный ручей и смотровую площадку, откуда открывался вид на полосы леса. Но точного места, откуда вчера пришёл звук, у него не было.

Он всё равно собрал рюкзак: бутылка воды, бутерброд, небольшой фонарь, зарядный аккумулятор, блокнот, карандаш и тонкая куртка поверх свитера. Подумав, он добавил перчатки. Пещера, если она вообще существовала, вряд ли была тёплой.

Мать встретила его на кухне с чашкой чая в руках.

— Ты куда в такую погоду?

— Прогуляться.

— Прогуляться — это до магазина. А у тебя рюкзак, фонарь и лицо человека, который собирается исчезнуть на неделю.

— Я буду к вечеру.

Она посмотрела на него внимательно, и Арден на секунду подумал, что придётся рассказать правду. Но правда звучала так нелепо, что даже он сам не хотел произносить её вслух.

— В горы? — спросила мать.

Он кивнул.

— Тогда напиши, когда доберёшься. И не лезь куда-нибудь, где нет тропы.

— Не буду.

Слова прозвучали слишком быстро. Мать подняла бровь.

— Арден.

— Хорошо. Не буду, — повторил он уже честнее. — Просто похожу по знакомым местам.

Она отпила чай и кивнула, не вполне поверив. Арден поцеловал её в щёку, вышел из квартиры и только в лифте понял, что взял с собой не тот блокнот — толстый, в клетку, который обычно использовал для конспектов. Маленький чёрный он оставил на столе. Возвращаться не стал.

Автобус шёл почти пустой. За окнами город постепенно уступал место частным домам, садовым участкам и лесистым холмам. Небо светлело. После ночной прохлады листья на обочине казались влажными и тяжёлыми, а на открытых участках земли серебрился туман.

Арден сидел у окна и пытался не ждать мелодию. Это было почти невозможно: стоило ему отвлечься, как воображение подбрасывало первую ноту, а за ней — вторую. Он пытался напеть их про себя, но каждый раз получалось по-разному.

Когда автобус остановился у маленького посёлка, Арден вышел. Воздух оказался холоднее, чем в городе, но пах иначе: мокрой травой, древесной корой и землёй. Дорога уходила между низкими домами, за которыми поднимались холмы, покрытые берёзами и тёмными елями.

Он пошёл по знакомому маршруту.

Первые полчаса ничего необычного не случилось. Дорога вела мимо заброшенного сада, затем поднималась к лесу. На развилке стоял облупленный указатель: к смотровой площадке — налево, к старому карьеру — направо. Арден помнил, что в прошлый раз они с матерью выбрали левую тропу. Сегодня он свернул направо, не до конца понимая почему.

Он не собирался искать карьер. Просто в ту сторону было тише.

Лес встретил его запахом сырой хвои. Под ногами мягко пружинили прошлогодние иглы, а между стволами лежали полосы рассеянного света. Иногда ветер шелестел в верхушках деревьев, но внизу сохранялась неподвижность. Арден достал телефон, открыл карту. Сеть ещё работала, и синяя точка показывала его положение — немного в стороне от основной туристической тропы.

Он решил идти ещё десять минут, потом вернуться.

Через пять минут птицы замолчали.

Это произошло не разом, как по условному знаку, а постепенно. Сначала перестал перекликаться кто-то в глубине леса. Потом исчезло короткое щебетание, звучавшее всё утро над тропой. Наконец Арден понял, что слышит только собственные шаги и далёкий, почти непрерывный шелест деревьев.

Он остановился.

— Осень, — сказал он вслух. — Птицы улетели. Нормально.

Голос прозвучал громче, чем он ожидал. Лес не ответил.

Арден посмотрел на карту. Синяя точка дрогнула и сдвинулась на экране в сторону, хотя телефон лежал неподвижно. Потом вернулась. Он поднял устройство, повертел его, как будто от этого мог зависеть спутниковый сигнал, и сунул в карман.

Тропа впереди становилась уже. В одном месте её пересекал ручей, прозрачный и неглубокий. Арден перешагнул через воду по двум плоским камням. На противоположном берегу заметил след в грязи — широкий отпечаток, похожий на след тяжёлого ботинка. Рядом был ещё один, но оба обрывались посреди мха, словно тот, кто их оставил, перестал касаться земли.

Арден присел и провёл пальцем по краю отпечатка. Грязь была влажной, но не размазанной. Он прикинул размер. Человек мог пройти здесь несколько минут назад. Второй след мог смыть ручей или скрыть мох. Никакой тайны.

Он поднялся — и услышал мелодию.

Она была далеко. Тихая, растянутая, почти смешанная с ветром. На этот раз прозвучали четыре ноты, но третья слилась с четвёртой, оставив ощущение незавершённости. Арден повернул голову к склону слева.

За деревьями поднималась каменная гряда. Он никогда не видел её с этой тропы. Или видел, но не запомнил. Камни были тёмно-серыми, местами покрытыми мхом, а над ними росли сосны, будто цеплявшиеся корнями за щели в породе.

Арден сверился с картой. По данным телефона, за грядой должна была находиться старая каменоломня — заброшенный карьер, куда он и направлялся. Однако расстояние выглядело меньше, чем на экране.

Он мог развернуться. Мог сделать снимок, отметить координаты и прийти сюда в другой раз с кем-нибудь ещё. Мать просила не уходить с тропы. Если он сейчас продолжит, то фактически нарушит обещание.

Арден посмотрел на склон. Ветер переменился. На секунду ему показалось, что запах сырой хвои сменился запахом холодного камня и воды, стоявшей в тени.

— Десять минут, — сказал он себе. — Поднимусь, посмотрю и обратно.

Он спрятал телефон, выбрал участок, где склон был пологим, и начал подниматься.

Камни скользили под подошвами. Один раз он зацепился носком за корень и едва не упал, больно ударившись ладонью о ствол. Подъём оказался круче, чем выглядел снизу. Арден оста-

навливался дважды, чтобы отдышаться, и каждый раз пытался уловить мелодию. Она больше не звучала.

Наверху деревья расступились.

Перед ним лежал узкий каменный уступ, за которым склон проваливался в небольшую ложбину. Там росли папоротники, побуревшие от холода, и несколько кривых рябин. Из земли торчали плиты природного камня, словно остатки стены, разрушенной очень давно. Между двумя плитами чернел проход.

Не карьер. Не трещина, куда мог забраться зверь. Вход в пещеру.

Арден остановился на расстоянии нескольких шагов.

Вход был нешироким — человек мог пройти боком, если наденет рюкзак на грудь. Над ним свисал корень старой сосны. На камне слева виднелись неглубокие линии, которые сначала можно было принять за трещины. Но стоило Ардену сделать шаг, как он понял, что линии пересекаются слишком правильно.

Он подошёл ближе.

Линии складывались в знак — незнакомый, но странно уравновешенный. Две дуги, разомкнутые в противоположных местах, и короткая черта между ними. Арден провёл взглядом по рисунку, стараясь запомнить форму.

Из темноты пахнуло холодом.

И мелодия прозвучала снова — теперь не с горы, не за деревьями, а прямо из прохода.

Арден почувствовал, как напряжение собирается у него между лопатками. Он не был уверен, что хочет знать, что находится внутри. Но именно за этим он приехал — хотя ещё утром пытался убедить себя в обратном.

Он включил фонарь, проверил заряд телефона и шагнул к входу.

В глубине пещеры что-то тихо отозвалось последней нотой.

Глава 3. Камень, который помнит

Первые несколько метров пещера была низкой, и Ардену приходилось идти, наклонив голову. Луч фонаря выхватывал грубые стены, мокрые выступы и тонкие нити корней, пробравшихся сквозь трещины сверху. Под ногами хрустела мелкая крошка. Воздух становился холоднее с каждым шагом, но не пах затхлостью, как Арден ожидал. В нём чувствовалась чистая, почти металлическая свежесть.

Он остановился и оглянулся.

Снаружи вход казался серым прямоугольником света. Солнце за облаками освещало склон ровно настолько, чтобы не дать темноте сомкнуться полностью. Арден мог вернуться. У него были все основания развернуться: он не знал, насколько глубока пещера, не взял каску, не сказал никому, куда идёт. Если бы он увидел это со стороны, то первым делом посоветовал бы себе уйти.

Вместо этого он включил диктофон и произнёс:

— Проверка. Я нахожусь в пещере, найденной около… — Он назвал время, посмотрел на часы и добавил координаты, которые успел сохранить. — Если мой телефон сдохнет, это всё равно будет бесполезно. Но я хотя бы пытался быть разумным.

Он выключил запись и двинулся дальше.

Пещера расширялась. Потолок поднялся, стены разошлись, и вскоре он оказался в небольшой полости, напоминавшей комнату, созданную не инструментом, а водой. На полу блестели лужицы. В центре возвышался плоский камень, похожий на низкий стол. Над ним потолок был гладким, почти отполированным, хотя по остальной пещере шли грубые сколы.

Арден направил фонарь на стены.

Изображения обнаружились не сразу. Сначала он заметил несколько линий, похожих на царапины. Затем увидел дугу, пересечённую короткими штрихами, и ещё один рисунок — фигуру с поднятыми руками. Люди? Деревья? Схема? Он приблизился, осторожно ступая, чтобы не поскользнуться.

На стене было больше знаков, чем он думал. Они располагались не беспорядочно: группы линий повторялись через одинаковые промежутки. Между ними оставались пустые участки, словно автор намеренно не заполнял всю поверхность. Некоторые знаки напоминали волны, другие — ветви, третьи были почти геометрическими: окружности, разрывы, пересечения.

Арден достал телефон и сфотографировал стену. На экране рисунки выглядели тускло; вспышка высвечивала мокрый блеск камня, но съедала тонкие линии. Он отключил вспышку и попробовал ещё раз.

Один из символов оказался тем же, что был у входа: две незамкнутые дуги и короткая черта между ними. Здесь знак повторялся трижды, каждый раз немного изменённый. В одном варианте черта уходила вправо, в другом — вниз. Третий был настолько стёрт, что от него остались только две кривые линии.

Арден приблизил камеру. Телефон почему-то не мог сфокусироваться. Он отодвинул его и вместо этого включил фонарь на полную яркость.

— Что ты такое? — спросил он у стены.

Собственный голос показался чужим. Эхо вернулось не сразу. Оно как будто задержалось за камнем и лишь потом повторило последние звуки: «…такое».

Арден почувствовал знакомое покалывание в ушах. Не боль, но предвестие звука — как если бы где-то далеко натягивали струну.

Мелодия возникла постепенно. Сначала низкий гул, который он ощутил скорее зубами, чем слухом. Затем две ясные ноты. Потом третья, которую он так долго не мог представить.

Она была ниже первой и выше второй, но не укладывалась в привычный музыкальный рисунок. Звук обогнул его, прошёл сквозь грудь и будто задержался в камне под ногами.

Арден отступил на шаг.

Мелодия стала отчётливее.

Он не знал, почему сделал это, но протянул руку к ближайшему рисунку. Пальцы коснулись холодного камня.

Мир изменился.

Сначала исчезла темнота. Не постепенно — словно кто-то убрал ткань, закрывавшую глаза. Пещера стала огромной, потолок поднялся к высокому своду, а влажные стены засветились тонкими линиями. Символы вспыхнули мягким серебристым светом. На полу больше не было воды; гладкие плиты уходили к центру, где стояли люди.

Их было четверо или пятеро. Арден не мог разглядеть лиц. На них были длинные одежды, тёмные, с узкими светлыми полосами по рукавам. Один человек держал в руках длинный инструмент из светлого дерева, похожий на курай, но с расширенным концом и металлическим кольцом у основания. Другой стоял на коленях рядом с круглой конструкцией, встроенной в пол.

Они что-то говорили.

Арден не понимал слов, но голоса казались частью мелодии. Каждый звук ложился на предыдущий, создавая узор, который он почти мог услышать целиком. Один из людей поднял руку, и серебристые линии на стенах потянулись к нему. Они не двигались как свет — скорее, будто камень вспоминал, что его когда-то вырезали иначе.

В центре пола появилась вода.

Она не лилась сверху и не просачивалась из трещин. Просто стала видимой: прозрачный поток, пересекающий каменные плиты. Вода шла против уклона, поднималась по ступеням, сворачивала в воздухе и исчезала в круге, которого секунду назад не было.

Человек с инструментом сыграл одну ноту.

Все остальные замолчали.

В глубине водного потока что-то шевельнулось — не тень и не существо, а смещение самой формы. Пространство за ним будто отодвинулось, открывая дальний берег, на котором не было земли. Только звёзды, мерцающие в темноте, и тонкая серебряная линия, тянувшаяся от одной точки к другой.

Затем кто-то повернулся к Ардену.

Он не увидел лица. Только почувствовал, что на него смотрят.

Мелодия сорвалась.

Арден отдёрнул руку и ударился спиной о противоположную стену. Фонарь выпал, ударился о камень и покатился по полу, рассекая темноту беспорядочными полосами. Он хватал воздух ртом, но вдох не получался полным. Сердце колотилось слишком быстро. Во рту появился металлический привкус.

Он заставил себя сесть.

Пещера снова была маленькой и сырой. Никаких людей. Никакой воды, кроме тонкой лужицы у стены. Каменный стол стоял на прежнем месте. Фонарь лежал в стороне, продолжая светить.

Арден несколько минут не двигался.

Потом поднял руки и внимательно осмотрел их. Пальцы дрожали. На ладони остался серый след от каменной пыли. Никаких серебристых линий, никаких знаков на коже.

— У меня галлюцинация, — сказал он.

Голос прозвучал убедительно ровно до тех пор, пока не коснулся стен. Эхо вернуло его слова, но между «у меня» и «галлюцинация» возникла короткая пауза, которой он не делал.

Он достал телефон. Экран показывал девятнадцать процентов заряда, хотя утром было почти полное. Фотографии сохранились. Арден открыл первую — на ней была обычная мокрая стена. На второй знаки тоже выглядели бледно, но различимо. Он увеличил снимок символа.

Две дуги. Короткая черта.

На фото всё было на месте. Значит, он не придумал рисунки. Это уже что-то.

Арден поднялся, но голова закружилась, и ему пришлось опереться на стену. Он сделал несколько глотков воды, съел половину бутерброда и посидел ещё. Усталость навалилась странная, тяжёлая, словно он не видел короткого видения, а несколько часов нёс на плечах чужой груз.

Он решил уходить.

Прежде чем выйти, Арден ещё раз оглянулся на центральный камень. Его поверхность была гладкой, но на краю виднелась глубокая трещина. В ней застрял маленький предмет — плоский кусочек тёмного минерала, размером с ноготь большого пальца. Он мог быть обычным обломком породы. Арден поднял его, завернул в салфетку и положил в боковой карман рюкзака.

«Нельзя забирать из пещер ничего», — вспомнил он слова школьного учителя, который водил класс на экскурсию в другую пещеру. Арден остановился, посмотрел на свёрток и почти вернулся, чтобы положить камешек обратно.

Но потом услышал ту самую первую ноту.

Она была такой тихой, что могла оказаться звоном в ушах. Арден замер. Звук словно выходил из предмета в кармане рюкзака — или из стены за спиной. Он не смог определить направление.

Он оставил камешек у себя.

Дорога наружу показалась длиннее, чем путь внутрь. Когда свет дневного неба наконец показался между камней, Арден остановился у входа и глубоко вдохнул. Воздух пах листьями и холодной землёй. Лес снова шумел. Где-то перекликались птицы.

Обычный мир вернулся — или сделал вид, что вернулся.

Арден спустился к ручью и сел на выступ у воды, чтобы прийти в себя. Он достал телефон, сделал несколько снимков входа и отметил координаты. Потом открыл приложение с аудиозаписью, включил диктофон и молча подержал телефон в руке, надеясь поймать хотя бы отголосок мелодии.

Запись длилась двадцать секунд. На ней слышались его дыхание, шорох куртки и слабый удар фонаря о камень. Ни одной ноты.

Он выключил запись и посмотрел на ладонь.

Пальцы всё ещё дрожали.

Самое страшное было не в том, что он увидел невозможное. Страшнее было другое: на мгновение он почувствовал, что увиденное уже происходило когда-то, очень давно, и что он не наблюдал чужое прошлое, а оказался в месте, которое узнало его.

Арден заставил себя подняться.

Ему требовалось вернуться домой, выспаться и посмотреть, что осталось на фотографиях при нормальном освещении. Может быть, он найдёт объяснение. Может быть, всё окажется следствием усталости и плохого воздуха в пещере.

Он повторил это про себя несколько раз, пока шёл вниз по склону.

На третий раз слова перестали звучать правдоподобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.